Чжан Тайлэй и распространение большевизма в Китае

© 2019

А.В. Панцов

В этом году в Китае торжественно отмечалось два юбилея: сто лет со дня образования в марте 1919 г. III (Коммунистического) интернационала — всемирной организации большевиков, сыгравшей громадную роль в подготовке китайской революции, и столетие «Движения 4 мая», положившего начало широкому распространению в Китае большевистских идей. Эти даты — достойный повод вспомнить о человеке, внесшем огромный вклад как в китайской политике Коминтерна, так и в становление Компартии и Комсомола Китая, — китайском революционере Чжан Тайлэе (1898–1927), являвшимся в начале 1920-х годов главным связующим звеном между мировым движением коммунистов и сформировавшейся КПК.

Ключевые слова: история КПК, Коминтерн, Коммунистический интернационал молодежи (КИМ), Коммунистический союз молодежи Китая, Движение 4 мая, Гоминьдан, Чжан Тайлэй.

DOI: 10.31857/S013128120006103-4

В 7 часов вечера 22 июня 1921 г. Большой театр в Москве был переполнен. 605 представителей от 103 организаций из 52 стран мира и большое количество гостей и журналистов собрались на очередной III конгресс Коммунистического Интернационала. Они горячо приветствовали членов президиума — Ленина, Зиновьева, Троцкого и других. Среди тех, кто изо всех сил аплодировал, был и двадцатитрехлетний китайский коммунист Чжан Тайлэй, первый в истории китайского коммунистического движения делегат на всемирный большевистский форум. Это был высокий молодой человек в круглых очках, «с длинными, зачесанными назад волосами» и «умным твердым взглядом», улыбавшийся «широкой белозубой улыбкой»¹.

Через три недели, 12 июля, в Андреевском зале Кремля, на двадцать третьем заседании конгресса, посвященного восточному вопросу, Чжан выступил с пятиминутной речью о китайском коммунистическом движении. Он говорил на хорошем английском языке. Регламент конгресса не позволял ему говорить дольше², но он представил свой двадцатидвухстраничный доклад о политической и социально-экономической ситуации в Китае в письменном виде (Чжан подготовил его к 10 июня)³. Это был первый доклад,

Панцов Александр Вадимович, доктор исторических наук, профессор Капитолийского университета (США). E-mail: apantsov@capital.edu.

написанный и представленный в Коминтерн активным участником коммунистического движения в Китае.

Молодой китайский революционер, страстно преданный большевистскому делу, привлек внимание вождей Исполкома Коминтерна (ИККИ), которые, по-видимому, уже слышали о нем от товарищей из своего Дальневосточного секретариата — аванпоста Коминтерна в Иркутске, учрежденного 12 февраля 1921 г.⁴ В конце февраля 1921 г. Чжан прибыл в этот город из Пекина, где за несколько месяцев до того, в октябре 1920-го, стал членом большевистского кружка. Он привез много документов о зарождавшемся большевистском движении в Китае и весной 1921 г. сделал доклад на эту тему в Дальневосточном секретариате⁵. 23 марта 1921 г. его назначили временным секретарем китайской секции этого секретариата, и до своего отъезда в Москву, в конце мая или начале июня 1921 г., он «организует китайскую секцию... готовит информационные сводки по Китаю и рассылает их по редакциям наших советских газет и вместе с тем готовит доклад Компартии Коминтерну». В начале мая он также участвовал в учредительном съезде корейской компартии в Иркутске⁶.

Через два дня после III конгресса, 14 июля 1921 г., вожди Коминтерна избрали Чжан Тайлэя — первого китайца — членом Исполкома этой организации с совещательным голосом⁷. А вскоре его письменный доклад был опубликован в журнале Дальневосточного секретариата⁸.

Чжан продолжал проявлять активность как в китайском, так и в международном коммунистическом движении, и впоследствии, занимая ряд руководящих постов и в КПК, и в комсомоле Китая. Его революционная карьера была на подъеме, когда 12 декабря 1927 г. в возрасте 29 лет он пал в бою с милитаристами в городе Гуанчжоу. В Китайской Народной Республике он считается одним из главных героев революции.

О Чжане написано немало книг и статей как в Китае, так и за его пределами. Но все же многие факты его биографии до сих пор не изучены. Даже самые последние работы о нем полны ошибок. Так, в книге американского историка Кристины Мюльре-ди-Стоун, изданной в 2015 г., говорится, что Чжан в октябре 1923 г. участвовал в III конгрессе Коммунистического интернационала молодежи (КИМ), «выступил перед конгрессом и был избран в Исполнительный комитет КИМ»⁹. Почти все в этих словах не соответствует действительности. На самом деле III конгрессе Коминтерна молодежи проходил в декабре 1922 г., и Чжан на нем не только не выступал, но даже и не присутствовал. Верно только то, что на этом форуме его избрали в члены ИККИМ, но это произошло в его отсутствие.

Кроме того, в литературе дается крайне односторонняя оценка вклада Чжан Тайлэя в историю китайского коммунистического движения. Большинство историков обращает внимание лишь на ту роль, которую он играл как революционер-практик, — связанной между Коминтерном и КПК, один из ведущих организаторов китайской компартии и комсомола и вождь знаменитой Гуанчжоуской коммуны 1927 года. Его же вклад в теорию китайского коммунистического движения, как правило, игнорируется и в российской, и в западной историографии. Лишь некоторые китайские ученые уделяют этому вопросу внимание¹⁰, хотя кое-кто из них доводит свои рассуждения до степени абсурдности, заявляя, например, о некоем «великом вкладе» Чжан Тайлэя в идеи Мао Цзэдуна о молодежном движении или даже в теорию Мао о «новой демократии».

Цель данной статьи — дать всестороннюю и непредвзятую оценку революционной деятельности Чжан Тайлэя как коммуниста-практика, так и большевика-теоретика, на основе архивных и опубликованных документов.

Прилежный ученик

Чжан Тайлэй родился в уездном городке Уцзинь (ныне один из районов города Чанчжоу), расположенном на берегах Великого канала, на юге провинции Цзянсу, в час Петуха¹¹ в двадцать девятый день четвертого месяца года Желтой Земляной Собаки по лунному календарю. По официальному династийному летоисчислению, принятому в то время в Китае, это был двадцать четвертый год эры Гуансюй (светлое начало) маньчжурской династии Цин, а по григорианскому календарю — 17 июня 1898 года.

Дед Чжана выбрал детским именем новорожденного словосочетание Цзэнжан, клановым — Сяоцэн, а величальным — Тайлай. Иероглиф «цзэн» и в первом, и во втором имени означает «правнук», а иероглиф «жан», входящий в словосочетание «сяньжан», — «скромный», «уступчивый». «Сяо» же значит «сыновья почтительность», и именно этот иероглиф приходился на 26-е мужское поколение по счету в роду Чжанов из Уцзиня: так определяла генеалогическая хроника рода, в которой за каждым поколением мужчин закреплялся свой иероглиф. Имена мужчин могли состояться из двух иероглифов, но одному из них надлежало быть родовым. Что же касается последнего имени, то оно было выбрано из выражения *пицзи тайлай* («за непереносимым горем следует радость»), основанного на сочетании двух гексаграмм — «пи» (двенадцатая гексаграмма) и «тай» (одиннадцатая) из древнекитайского трактата «И цзин» («Книга перемен»), сборника гадательных гексаграмм и триграмм — разнообразных сочетаний прямых и прерывистых линий, символизирующих различное соединение сил света и тьмы (то есть *ян* и *инь*) и использовавшихся в эпоху Чжоу (1121 или 1066–221 до н.э.)¹². Иероглиф «пи» означает «упадок», «горе», а иероглиф «тай» — «расцвет», «радость»¹³. Имя получилось красивое: «Пришедший с радостью после непереносимого горя».

Через восемь лет, когда мальчик пойдет в школу, его первый учитель даст ему новое имя — Фу («Тот, кто возродит [Китай]»). А спустя еще тринадцать-четырнадцать лет, встав на революционный путь, Чжан выберет себе бунтарское прозвище Тайлэй («Великий гром»)¹⁴. Именно под ним он и войдет в историю.

Но это будет в дальнейшем, а пока, в 1901 г. отец Чжана, в течение многих лет остававшийся безработным, несмотря на то что обладал ученой степенью *сюоцзя*¹⁵, через одного из дальних родственников нашел работу. Но не в Уцзине и не в Чанчжоу, а почти за тысячу километров, в местечке Аньюань уезда Пинсян провинции Цзянси, в канцелярии угольных копий. Взяв жену и детей (Чжану шел тогда третий год, а его сестре, которую все в семье ласково называли Дунмэй, «Зимняя сливка», — восьмой), Лянцай уехал. Но через пять лет, 22 февраля 1906 г., скорострительно скончался, и его жене, урожденной Сюэ, с детьми и телом мужа пришлось возвращаться в Чанчжоу. Несчастного Лянцая похоронили на родине (так требовала традиция), а его жена с детьми на какое-то время нашли приют при клановом храме Чжанов у южных ворот Чанчжоу. Но затем дед Чжана по материнской линии выделил им комнату у себя в доме. В ней, правда, стояли только стол, половину которого занимал алтарь, посвященной памяти усопшего отца, кровать и один стул, но дед взял на себя заботы по пропитанию дочери и внуков¹⁶.

А когда Чжану исполнилось восемь лет, в сентябре 1906 г., именно дед отвел его в начальную школу. Это было новое учебное заведение, только что открытое (в начале 1906 г.) родственником деда, неким Сюэ Няньцзу. Чжан к тому времени уже более или менее знал грамоту: читать и писать его и дочь научил отец. В школе он продолжил изучать китайский язык, а также начал осваивать новые для себя предметы: арифметику, рисование, историю, географию, военное дело, основы естественных наук. В этом учебном заведении насчитывалось 43 преподавателя и 416 учеников. Первый курс был самый многочисленный: помимо Чжана на нем обучалось еще 129 человек. Они были сведены в четыре группы¹⁷.

В то время Чжан очень пристрастился к чтению, жадно проглатывая книги, которые мог достать. Особенно его впечатлили знаменитые исторические романы «Саньго яньи» («Троецарствие») китайского писателя XIV века Ло Гуанчжун и «Дунчжоу легочжи» («Хроники царств периода Восточного Чжоу») китайского писателя XVII века Фэн Мэнлуна. В этих книгах описывались подвиги легендарных рыцарей, военачальников и авантюристов, воспевались идеалы боевого братства и утверждался культ физической силы. Чжан обсуждал эти книги с товарищами, и они, разделившись на две «армии», даже разыгрывали сценки из них¹⁸. Под влиянием рыцарских романов он выбрал себе боевое прозвище — Чанцзя, что значит «Длинный меч». Правда, от напряженного чтения у него стало ухудшаться зрение, и он вынужден был надеть очки. На фотографии, сделанной в то время, он выглядит как образцовый ученик: очень сосредоточенный, в больших круглых очках и аккуратно подстриженный¹⁹.

Летом 1911 г., блестяще закончив начальную школу, Чжан успешно сдал все вступительные экзамены (по китайскому языку, арифметике, истории и географии) в лучшую среднюю школу Чанчжоу. Эта школа, открытая за четыре года до того, не была обычной. Главным предметом в ней, в отличие от остальных тридцати четырех государственных и частных школ Чанчжоу²⁰, считался английский язык, и даже такие предметы, как зарубежная история, зарубежная география, математика, физика и химия, читались на английском по англоязычным учебникам. В общем, как писал впоследствии один из учеников этой школы, в ней давалось «европеизированное среднее образование»²¹. Так что к концу пребывания в школе (к 1915 г.) Чжан даже мог свободно общаться с «заморскими дьяволами», которых в Чанчжоу было, правда, не очень много²².

В школе он познакомился с идеями национального освобождения и социального обновления Китая. Их исподволь внушал учащимся сам директор Ту Куань (1879–1918), член подпольной организации «Чжунго гэмин тунмэнхуэй» («Китайский революционный объединенный союз»), созданной в 1905 г. известным революционером, доктором Сунь Ятсеном²³, проповедовавшим три народных принципа: «национализм», «народовластие» и «народное благосостояние» («национальное освобождение всего Китая» и «равноправие всех национальностей на территории Китая»; предоставление народу не только избирательных прав, но и права законодательной инициативы, референдума и смещения должностных лиц; «ограничение капитала», то есть передачу в собственность государства или под государственный контроль всех крупных и жизненно важных средств производства, «уравнение прав на землю» путем введения земельного налога в соответствии с ценой земли)²⁴. Директор Ту до назначения в Чанжоускую среднюю школу заведовал учебной частью Тяньцзиньского педагогического университета²⁵. Это был высокообразованный человек, сын знаменитого историка Ту Цзиньшаня (он же Ту Цзи, 1856–1921).

В 1910 г., за год до зачисления Чжана учащимся Чанжоуской средней школы, директор Ту вместе с пятнадцатью единомышленниками, молодыми преподавателями этого учебного заведения, организовал революционный союз, который сыграл важную роль в событиях, захлестнувших Чанчжоу в следующем, 1911 г.²⁶

В том году, 10 октября, во многом под влиянием идей Сунь Ятсена в стране развернулась антимонархическая революция. Узнав об этом, двенадцатилетний Чжан Тайлэй, только месяц назад зачисленный в среднюю школу, тут же отрезал свою косу (длинные косы в знак покорности маньчжурам носили все китайские подданные Цинской империи мужского пола). Точно так же сделали многие другие учащиеся, исполненные патриотических чувств²⁷. Их горячо поддержал директор.

А в конце октября 1911 г. занятия неожиданно прекратились. Волна революции докатилась до Чанчжоу, и город, естественно, погрузился в атмосферу хаоса. А вскоре, 1 января 1912 г., Сунь Ятсен, занявший пост временного президента, объявил об образовании Китайской Республики. Но лишь для того, чтобы 13 февраля 1912 г. подать

прошение об отставке, поскольку страна оказалась на грани гражданской войны. 15 февраля члены Временного Сената Китайской Республики единогласно избрали временным президентом генерала Юань Шикая, командующего крупнейшей в Китае Бэйянской армией, который за три дня до того (12 февраля) сумел убедить императорский двор капитулировать²⁸.

Обстановка в стране и в Чанчжоу стабилизировалась, и 1 апреля 1912 г. занятия в школе, где учился Чжан, возобновились. Чжан вернулся за парту, но политика все больше занимала его, так что в свободное время он все активнее обсуждал происходившие в стране события с другими учащимися. Многие из них разделяли его патриотические настроения. Среди них особенно горячо его поддерживал юноша по фамилии Цюй, а по имени Шуан («Двойная [макушка]»). Его странное имя объяснялось просто: он родился с двумя макушками, и его отец, умилившись, не стал искать для него лучшего имени. Цюю это имя не нравилось, а потому он сам себя называл либо «Погожий», либо «Мороз». Все три имени («Двойная [макушка]», «Погожий» и «Мороз») произносятся одинаково — *шуан*, но записываются разными иероглифами²⁹. Через два года этот болезненного вида студент, бывший на полгода младше Чжана, выберет себе новое имя и именно под ним станет широко известен в истории китайского коммунистического движения — Цюй Цюбо, что значит Цюй «Белый цветок осени»³⁰. Он и Чжан станут друзьями, а весной 1915 г. даже окажутся на одном курсе, после того как Цюй Шуан, учившийся на курсе старше Чжана, по болезни пропустит экзамены, оставшись на второй год³¹.

Между тем зимой 1912–1913 гг. в стране прошли выборы в законодательный орган — парламент, на которых полную победу над более чем тремястами партиями одержала новая партия Сунь Ятсена, которую он, готовясь к выборам, организовал 25 августа 1912 г. на базе «Объединенного союза» путем объединения последнего с четырьмя другими организациями.

Чжан и другие учащиеся школы, конечно, болели за Гомиьндан. Ведь от этой партии в парламент баллотировался их директор, выполнявший в то время и обязанности заместителя руководителя Уцзиньской уездной организации Гомиьндана. Не только баллотировался, но и был избран! Но, к сожалению, в связи с избранием он должен был сложить с себя полномочия директора. В апреле 1913 г. он уехал в Пекин.

Вместо него пост директора занял некто Тун Фэй (1865–1932), консервативный человек, начавший решительно пресекать всякую политическую активность студентов. Он требовал от них одного — не отвлекаться от учебы. Но добиться этого было трудно, так как в 1913 г. ситуация в стране начала настолько обостряться, что большинство учащихся просто не могло оставаться равнодушным.

В 1913 г. в стране началась вторая революция: на этот раз — против Юань Шикая, оказавшегося диктатором. Юань объявил Гомиьндан вне закона, разогнал парламент и вскоре подавил все восстания. «Буржуазная революция, начертанная на своем знамени слова “свобода и равенство”, завершилась сплошным обманом, — писал впоследствии Цюй Цюбо, — установлением деспотии холопов, рабов, разбойников и бандитов»³².

А через год, 28 июля 1914 г., началась Первая мировая война. Юань Шикай объявил нейтралитет, Япония же присоединилась к Антанте и в самом конце октября 1914 г. вместе с англичанами высадила десант в районе города Циндао на Шаньдунском полуострове. Этот город вместе с прилегавшей бухтой Цзяочжоу с 1898 г. являлся германской колонией. Поглощенные войной в Европе немцы не сильно сопротивлялись. 7 ноября Циндао пал, превратившись теперь формально в колонию Японии и Англии, а фактически — Японии. Китайцы не вмешивались. 28 января 1915 г. Япония предъявила Юань Шикаю ультиматум, так называемые 21 требование, принятие которых привело бы к превращению Китая в японскую колонию. Опасаясь вторжения войск микадо, Юань Шикай 7 мая принял большую часть требований.

О какой же учебе теперь могла идти речь? Молодежь по всей стране, разумеется, и в Чанчжоу, была взбудоражена. 9 мая учащиеся Чанчжоуской средней школы, в том числе Чжан, приняли участие в движении за бойкот японских товаров.

Чжан был в первых рядах. Разгневанный директор Тун обрушился на учащихся с угрозами, а Чжану и еще нескольким школьникам сделал официальное предупреждение, пригрозив отчислением. Одного же учащегося, часто подшучивавшего над нерадивыми педагогами, на самом деле выгнал из школы. В ответ Чжан и его товарищи, разгневанные, демонстративно бросили школу, несмотря на то что до ее окончания им оставался всего семестр.

Никаких планов на будущее у Чжана не было, но в июле 1915 г. он случайно узнал, что в следующем месяце Пекинский университет организует в Шанхае выездные вступительные экзамены для уроженцев провинции Цзянсу, желавших поступить на подготовительные отделения различных факультетов Бэйда³³. Аттестата об окончании средней школы не требовалось. И в августе Чжан отправился в Шанхай, где успешно сдал экзамены. В том же месяце его зачислили на подготовительное отделение юридического факультета Пекинского университета, и в сентябре, простившись с матерью, сестрой, дедом и другими родственниками, Чжан отправился в Пекин, где вскоре приступил к занятиям.

Но в декабре, бросив все, вновь приехал в Шанхай, чтобы еще раз сдать экзамены — теперь на подготовительное отделение юридического факультета Бэйянского университета города Тяньцзиня: он узнал, что срок обучения в Бэйянском университете короче, чем в Пекинском, и обучение стоит дешевле.

Вряд ли стоит говорить, что и эти экзамены он сдал блестяще. Похоже, он действительно был талантливым человеком.

От национализма к большевизму

Учился Чжан и в университете очень хорошо, а потому в сентябре 1918 г. американский профессор и декан юридического факультета Бэйянского университета Чарльз Дж. Фокс пригласил его как одного из лучших студентов, свободно владевших английским языком, на работу корреспондентом в англоязычную газету *The North China Star* («Звезда Северного Китая»), которую он (Фокс) начал издавать за две недели до того. А через месяц в редакции этой газеты Чжан познакомился с русским эмигрантом Сергеем Александровичем Полевым. И тот попросил Чжана взять на себя обязанности его англоязычного переводчика. (Чжан не знал русского языка, но Полевой свободно говорил по-английски.) Чжан согласился, и с тех пор Полевой стал оказывать на него огромное влияние³⁴.

Полевой был гораздо старше Чжана: ему шел 33-й год. Он родился 3 сентября 1886 г. на Украине, в городке Пириятин Полтавской губернии, но судьба и революция занесли его сначала во Владивосток, а потом, в 1918 — в Тяньцзинь. Жил он вдвоем с женой, Верой Степановной, уроженкой Румынии, которая была на восемь лет младше³⁵. Он явно сочувствовал большевикам, а возможно, был членом их партии, и потому стал вести с Чжаном душевные беседы о марксизме, мировой революции и Гражданской войне в Советской России. Давал он Чжану и коммунистическую литературу на английском языке. В итоге осенью 1918 г. Чжан с головой погрузился в новый для него мир большевизма.

Он стал усердно штудировать материалы, полученные от Полевого, в частности, книгу Ленина «Государство и революция». Не исключено, что он ознакомился тогда и с работой Льва Давидовича Троцкого «Война и Интернационал», написанной в период Первой мировой войны. В англоязычном издании, имевшем тогда хождение в Китае, она называлась «Большевики и мир во всем мире»³⁶.

Эти работы произвели на него сильное впечатление. Желая познакомиться с ними товарищей, не знавших иностранные языки, он даже перевел их на китайский³⁷. К осени 1918 г. он уже смело мог причислить себя к большевикам. И когда в сентябре того года один из его бывших одноклассников по Чанчжоуской средней школе проездом в Пекин остановился в Бэйянском университете, он (этот одноклассник) с удивлением узнал от многих товарищей, что «Тайлэй уже воодушевлен новыми идеями о преобразовании человека, он отбросил старые представления о жизни, и его взгляды непоколебимы»³⁸. Все говорили о том, что кто-то из иностранцев, проживавших на территории одной из иностранных концессий Тяньцзиня, снабжает Чжана социалистической литературой, и он в свободное от учебы время переводит ее на китайский язык.

Его путь от национализма к большевизму, таким образом, оказался очень коротким. Работы Ленина и других вождей большевиков, а также рассказы Полевого сделали свое дело, возбудив в молодом патриоте, глубоко переживавшем униженное состояние отечества, жгучее желание применить в Китае большевистский опыт.

В феврале 1919 г., по некоторым данным, Чжан Тайлэй организовал в Тяньцзине (вероятно, в Бэйянском университете) Общество социальной реконструкции. Его члены (по всей видимости, студенты) обсуждали пути освобождения Китая от колониальной зависимости³⁹.

В 1919 г. Чжан принял участие в «Движении 4 мая», антиимпериалистических массовых демонстрациях, направленных как против японской оккупации китайских территорий, так и против реакционного режима пекинских милитаристов, наследников Юань Шикая, скончавшегося в 1916 г.⁴⁰ Поводом к демонстрациям послужила весть о том, что Англия, Франция и Италия на проходившей в Париже конференции держав-победительниц, вырабатывавшей положения мирного договора с Германией, потерпевшей сокрушительное поражение в Первой мировой войне, признали права Японии на германские владения в Китае. Парижская конференция демократических государств в глазах китайских патриотов превратилась в «сборище империалистических хищников», которые лишний раз показали, что относятся к Китайской Республике как к полуколонии. «Суть студенческого движения, — писал современник, — заключалась в том, что духовное беспокойство невозможно было больше сдерживать, требование “перемен” вырвалось наружу и послужило импульсом общественного движения... Идейный переворот, словно вздымающаяся до неба бурная волна, потряс весь Китай... Неимоверные страдания от империалистического гнета в прах развеяли несбыточные мечты о демократии»⁴¹.

В то время Чжан познакомился еще с одним эмигрантом из России — студентом Владивостокского Восточного института Наумом Григорьевичем Буртманом, уроженцем Одессы. В Тяньцзинь Буртман приехал в мае 1919 г., прямо в разгар студенческих волнений, спасаясь от белогвардейцев. До того он уже бывал в Китае — с осени 1917 по осень 1918 г. учился в харбинской гимназии и даже возглавлял Союз учащихся Харбина. (В этом маньчжурском городе, узлом центре Китайско-Восточной железной дороги, находившейся во владении России, в то время проживало большое количество русских.) В Тяньцзине же во время «Движения 4 мая» квартира Буртмана стала своего рода штабом местного китайского студенчества, каждую ночь устраивавшего в ней собрания⁴².

Буртман был моложе Чжана на два года, но поражал окружающих глубокими знаниями марксистской теории. Современник вспоминает: «Н. Буртман, худой, ниже среднего роста юноша, исключительно одаренный, необыкновенно начитанный, страстный революционер-большевик... обладал волнующе звучным голосом. При разговоре его большие умные голубые глаза просто гипнотизировали, убеждали, вели за собой»⁴³. В ноябре 1919 г. Буртман вместе с Полевым, а также директором библиотеки Пекинского университета Ли Дачжао, за год до того первым в Китае восславившим в ряде статей большевистскую революцию в России⁴⁴, и некоторыми другими китайскими интеллигентами принял участие в организации российского телеграфного агент-

ства в Китае. Поскольку Чжан являлся переводчиком Полевого, он, несомненно, также участвовал в этом деле⁴⁵.

В апреле 1920 г. по просьбе Полевого Чжан выполнял обязанности переводчика Григория Наумовича Войтинского (настоящая фамилия — Зархин, китайцы называли его У Тинкан), посланного в Китай Иностранным отделом Владивостокского отделения Дальневосточного бюро большевистской партии. Чжан сопровождал Войтинского во время его встреч с Ли Дачжао в Пекине и с издателем леворадикального журнала «Синь циннянь» («Новая молодежь») Чэнь Дусю в Шанхае, будущими основателями Компартии Китая.

Между тем в июне 1920 г. Чжан окончил юрфак Бэйянского университета, но работу искать не стал, полностью посвятив себя революционной деятельности и изучению марксизма. В октябре он вступил в пекинский большевистский кружок, созданный Ли Дачжао.

Тогда же, в октябре, он после долгой разлуки встретился со своим одноклассником по Чанчжоуской средней школе «Двойной макушкой» — Цюй Цюбо, который к тому времени успел закончить Пекинский институт русского языка и поступить на работу в пекинскую газету «Чэньбао» («Утро»). И вот теперь отправлялся специальным корреспондентом этой газеты через Тяньцзинь в Москву. Они долго беседовали в дешевом китайском ресторане о китайской общественной жизни. О чем именно, мы не знаем, но можем догадываться: и тот и другой были влюблены в Советскую Россию, и, хотя Цюй еще не связал судьбу с большевизмом, он, судя по его воспоминаниям, явно ему сочувствовал. Так что скорее всего речь шла о коммунизме и путях его осуществления в Китае, а также о поездке Цюя в «страну свободы», увидеть которую Чжан тоже мечтал. Было шумно. «Насаждавшаяся европейцами цивилизация в Тяньцзине — неумолчный грохот трамваев, гул автомобилей, шум и галдеж в ресторанчике при гостинице во время потасовок среди новых бюрократов, играющих в мацзян⁴⁶, — все это каждый раз врвалось в нашу беседу», — писал позднее Цюй Цюбо⁴⁷.

12 ноября 1920 г., вскоре после вступления пекинский кружок, Чжан по совету Ли Дачжао основал в Тяньцзине небольшую группу — Союз социалистической молодежи Китая. (В то время в нее вступило семь членов.) Чжан стал секретарем группы, проводил ее еженедельные собрания и издавал ежедневный журнал «Лаобао» («Труд»), правда, просуществовавший всего две недели: тяньцзиньские власти закрыли его как «экстремистский». Позже Чжан наладил на территории французской концессии выпуск нового журнала, назвав его по цензурным соображениям «Лайбао» (транслитерация английского слова Labor, тоже означающего «труд»). Но и он всего через месяц был закрыт по просьбе китайской администрации города⁴⁸.

В следующем месяце вместе с другими членами Пекинского коммунистического кружка Дэн Чжунся, Чжан Готао и еще двумя коммунистами Чжан организовал школу для рабочих на железнодорожной станции Чансиндянь недалеко от Пекина⁴⁹.

Но в начале февраля он через Полевого, к тому времени начавшего преподавать в Тяньцзиньском педагогическом университете⁵⁰, получил предложение Войтинского и Ли Дачжао отправиться на работу в Советскую Россию, в город Иркутск, в Дальневосточный секретариат Исполкома Коминтерна, который, правда, еще предстояло организовать. Скорее всего рекомендовал его для этой работы Буртман, к тому времени вернувшийся в Россию и ставший председателем секции восточных народов Сибирского бюро большевистской партии⁵¹.

Выезжать надо было срочно. Чжан даже не успел съездить в Чанчжоу проститься с родными. Он смог только встретиться с одним из товарищей по Союзу молодежи, велел ему срочно свернуть всю работу. Тогда же из Тяньцзиня уехал и Полевой вместе с женой и полуторагодовалым сыном Леонидом (он родился 3 октября 1919 г.).

Но не в Россию, а в Пекин, куда по рекомендации Ли Дачжао его пригласил преподавать русский язык Цай Юаньпэй, ректор Бэйда и известный либерал⁵².

Забегая вперед, скажем, что Полевой, в отличие от своего ученика Чжан Тайлэя, вскоре отойдет от большевистского движения; в 1939 г., через два года после японской оккупации Пекина, переименованного к тому времени в Бэйпин, он вместе с женой и уже двумя детьми — Леонидом и дочерью Тamarой, родившейся в 1921 г., переедет в США, где найдет работу в Яньцзинском институте Гарвардского университета. Скончается он в сентябре 1971 г. в возрасте 85 лет⁵³.

А Чжан между тем в феврале 1921 г. прибыл в Иркутск. К сожалению для него, Буртмана уже не было в живых: 17 декабря 1920 г. в возрасте 20 лет он погиб. Но Чжан смог быстро завоевать доверие видного большевика Бориса Захаровича Шумяцкого, главы Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна и председателя Совета министров Дальневосточной Республики, буферного государства, созданного большевиками в 1920 г. Именно Шумяцкий попросил Чжана составить доклад для III конгресса Коминтерна и именно он делегировал его в Москву. Мандат Чжана был датирован 16 мая 1921 г. и подписан заместителем Шумяцкого по Дальневосточному секретариату Яковом Григорьевичем Минским (настоящая фамилия — Минскер)⁵⁴. Шумяцкий, кроме того, помог Чжану подготовить доклад⁵⁵.

Помощь Чжану с докладом оказал и еще один человек — Ян Минчжай (он же Ян Хаодэ и Иван Васильевич Шмидт), тридцатидевятилетний китайский эмигрант, бывший владивостокский грузчик и один из организаторов первого большевистского кружка в Китае, с которым Чжан познакомился в апреле 1920 г., когда тот прибыл в Китай в составе группы Войтинского⁵⁶. Как и Чжан, Ян Минчжай должен был принять участие в III конгрессе Коминтерна и тоже в качестве делегата с совещательным голосом, но, по всей видимости, не смог поехать в Москву⁵⁷.

Доклад Чжана убедительно показывает, что, в отличие от многих других первых китайских коммунистов, Чжан к тому времени полностью воспринял коминтерновскую политику единого антиимпериалистического фронта, выдвинутую Лениным на II конгрессе Коминтерна в июле–августе 1920 г. В докладе говорится: «[К]итайский пролетариат... *поможет* буржуазии свергнуть автократов и после этого сам постарается подвергнуть ее той же участи»⁵⁸. Это было первым такого рода заявлением участника китайского коммунистического движения.

Во время конгресса в дополнение к докладу Чжан подготовил «Тезисы к III конгрессу по колониальному вопросу», в которых, по его собственным словам, главным образом имел в виду задачу «усилить новыми аргументами заключительное слово Владимира Ильича, произнесенное по колониальному вопросу на II конгрессе Коминтерна»⁵⁹. Развивая точку зрения, высказанную впервые в его докладе III конгрессу, Чжан заявлял, что все народы восточных стран вне зависимости от уровня их экономического развития имеют общие революционные задачи — в первую очередь задачу «борьбы с империалистическим гнетом», поскольку «в начальной своей стадии национально-революционному движению тактически и стратегически в борьбе с империалистами выгодно опереться на силу “единого национального фронта”». Тезисы были направлены против ультралевого индийского коммуниста Манабendra Нат Роя, который считал, что крестьяне и рабочие стран Востока должны одновременно бороться на двух фронтах — и против империалистов, и против местной национальной буржуазии. В то же время Чжан открыто подчеркивал, что участие буржуазии в национальной революционной борьбе «в форме так называемого “единого национального фронта” может быть только временным»⁶⁰. В целом его точка зрения полностью соответствовала ленинской.

В том же докладе III конгрессу Чжан первым среди коммунистов Китая проявил глубокое понимание той роли, которую могли сыграть пауперы, люмпены и другие пролетарские элементы в будущей китайской революции. Вот что он писал: «Китайская ком-

мунистическая партия должна без всякого промедления принять на себя обязанность организовать это[т] пока еще сырой боевой революционный материал [многие сотни тысяч «лишенных крова и пищи людей (люм[пен]–пролетариев и пауперов)», которые «идут сейчас от голода и неволи в отряды бандитов (хунхузов)»], отобрав все его наиболее здоровые и устойчивые элементы и при их помощи развить по стране широкое *партизанское* движение и против интервентных (так в тексте. — А.П.) японских войск и против банд своих автократов, продавшихся японскому капиталу»⁶¹.

Чжан посвятил три из шести заключительных тезисов своего доклада, сформулированных в его девятом разделе, озаглавленном «Наши перспективы», вопросу о необходимости дружеского отношения КПК к бандитам, пауперам и люмпен-пролетарским элементам. Он даже нашел время подчеркнуть этот вопрос в своем устном пятиминутном выступлении на конгрессе 12 июля⁶².

Мао Цзэдун придет к аналогичным выводам только в 1927 году.

После конгресса Коминтерна (9–23 июля 1921 г.) Чжан вместе с Юй Сюсуном, двадцатидвухлетним секретарем Временного Центрального комитета Социалистического союза молодежи Китая (ССМК) и секретарем его шанхайской организации, и Чэнь Вэйжэнем, ровесником Юя и членом шанхайского большевистского кружка, принял также участие во II конгрессе Коммунистического интернационала молодежи. Юй участвовал с решающим голосом, а Чжан и Чэнь — с совещательными. Вместе с Юем и Чэнем Чжан подготовил для этого конгресса письменный доклад о китайском молодежном движении, но ни Чжан, ни Юй, ни Чэнь на этом форуме не выступали⁶³.

«Наш лучший китайский коммунист»

Вслед за тем в августе 1921 г. Чжан Тайлэй вернулся в Китай, где стал работать переводчиком Маринга (Гендрикуса Снефлита), представителя Коминтерна в Китае. В октябре 1921 г. по просьбе Маринга он съездил в Японию, для того чтобы договориться об участии японской делегации в приближавшемся Съезде народов Дальнего Востока, созываемом Коминтерном. В Токио он познакомился с китайским коммунистом Ши Цуньтуном, который представил его японским левым интеллектуалам⁶⁴.

В то же время он прилагал большие усилия для возрождения Социалистического союза молодежи Китая, который прекратил свою деятельность после отъезда Юй Сюсуна в Москву в марте 1921 г. (После II конгресса КИМ Юй оставался в Москве вплоть до начала 1922 г.⁶⁵.) В ноябре Чжан подготовил Временный устав ССМК⁶⁶.

10 декабря 1921 г. он вместе с Марингом отправился из Шанхая в поездку в Ухань, Чаншу, Гуйлинь и Гуанчжоу. В середине декабря участвовал во встрече Маринга с губернатором Хунани Чжао Хэнти, а в конце декабря 1921 г. в Гуйлине вместе с Ли Дачжао и членом Гоминьдана Чжан Цзи способствовал организации переговоров Маринга с Сунь Ятсеном. В начале же января 1922 г. был уже в Гуанчжоу, где принял участие в беседах Маринга с Чэнь Цзюньмином, командующим Гуандунской армией, поддерживавшим тогда Сунь Ятсена. Чжан присутствовал также на собрании молодежи города Гуанчжоу и района Хайлуфэн⁶⁷.

В отличие от многих китайских коммунистов, не любивших Маринга за его высокомерие, Чжан установил с этим посланцем Коминтерна хорошие отношения. Он считал, что «главными недостатками Маринга были его недостаточное знание Китая и довольно неприятная манера общения», но все же настаивал, что «Маринг — важная фигура в Коминтерне [Маринг являлся членом ИККИ с решающим голосом] и марксист, который заслуживает уважения». Чжан «горячо убежал» китайских коммунистов улучшить отношения с Марингом⁶⁸. Не вызывает сомнения, что Чжан, еще в 1921 г. воспринявший ленинскую антиимпериалистическую тактику, наверняка первым поддержал и идею Маринга об индивидуальном вступлении китайских коммунистов в Гоминьдан.

Тем более что Маринг высказал эту идею во время поездки на юг Китая не с кем иным, как с Чжаном. В то время, однако, подавляющее большинство китайских коммунистов отнеслись негативно к предложению Маринга⁶⁹.

В самом конце января 1922 г. Чжан вновь приехал в Москву, где присоединился к китайской делегации, прибывшей за несколько дней до того на Съезд народов Дальнего Востока. Съезд открылся 21 января в бывшем дворце графа Андрея Ивановича Остермана (в то время — 3-й дом Советов). Произошло это в отсутствие Чжана, несмотря на то, что он был фактически одним из главных его организаторов. Но к открытию этого важного коминтерновского форума он не успел приехать, так как еще в начале января 1922 г. находился в Гуанчжоу вместе с Марингом. По дороге же из Гуанчжоу в Советскую Россию (этот путь вообще по тем временам длился никак не меньше трех недель), он еще остановился в Шанхае, где успел обсудить с членами Центрального бюро КПК вопрос о созыве I съезда ССМК. То есть Чжан мог присутствовать только на заключительных заседаниях Съезда народов Дальнего Востока в Москве и на закрытии съезда, которое состоялось в Петрограде в величественном Таврическом дворце.

После съезда, в конце февраля — начале марта 1922 г., Чжан Тайлэй принял участие в 1-м расширенном пленуме Исполнительного комитета Коминтерна в качестве представителя КПК⁷⁰. Он был переизбран в члены ИККИ, но в мае 1922-го, за несколько месяцев до IV конгресса Коминтерна, его членство было приостановлено, скорее всего потому, что он перешел на работу в Коммунистический интернационал молодежи.

Участие Чжана в Съезде народов Дальнего Востока и в 1-м расширенном пленуме ИККИ не могло не укрепить его уверенность в правильности коминтерновской политики единого фронта. Он вернулся в Китай в конце марта 1922 г. и всю весну вместе с Цюй Цюбо работал с представителем КИМ в Китае Сергеем Алексеевичем Далиным, в частности, сопровождал Далина в его поездке из Пекина в Гуанчжоу. Старый большевик Владимир Дмитриевич Виленский-Сибиряков, член российской дипломатической миссии в Китае, в письме Карлу Бернгардовичу Радеку, секретарю ИККИ, назвал в то время Чжана и Цюя «нашими лучшими китайскими коммунистами»⁷¹. А представитель Дальневосточного секретариата Владимир Герсамин (он же Лидин) характеризовал Чжана как не только преданного революционера, но и крупного работника⁷².

Во время поездки в городе Шаньтоу (провинция Гуандун) Чжан, Цюй и Далин составили программу, устав и другие документы для предстоявшего I съезда Социалистического союза молодежи Китая. 5 мая 1922 г. в Гуанчжоу Чжан Тайлэй открыл этот съезд. Он же председательствовал на его первом заседании. 10-го же мая, в день закрытия съезда он был избран одним из пяти членов Центрального комитета ССМК. В то время в ССМК насчитывалось около пяти тысяч членов — почти в 26 раз больше, чем в компартии. Они работали в семнадцати местных организациях⁷³.

Этот съезд был первым форумом китайских сторонников коммунизма, который призвал китайский пролетариат и беднейшее крестьянство поддержать революционную борьбу против империализма. Другими словами, поддержал коминтерновскую политику единого фронта, которой прежде китайские коммунисты отказывались следовать⁷⁴.

Вернувшись в Шанхай, Чжан 16–23 июля 1922 г. принял участие во II съезде КПК. Этот съезд тоже обсудил вопрос о совместной с национальной буржуазией борьбе против империализма и даже принял специальную секретную резолюцию о едином «демократическом» фронте и «Манифест», в котором содержался конкретный призыв к формированию блока с Гоминьданом и другими национал-революционными организациями. Чжан играл ведущую роль в дискуссиях. И на съезде, и после него он не только энергично поддерживал политику единого фронта, но и настаивал на принятии предложения Маринга о вступлении КПК в Гоминьдан. Очевидец вспоминает, что его (Чжана) «манера говорить “да” на все капризы Маринга» у некоторых товарищей даже «вызвала опреде-

ленное раздражение», и они «не могли не оппонировать ему с большой силой, сознательно идя с Чжаном на конфликт»⁷⁵.

29–30 августа 1922 г. как переводчик Маринга Чжан присутствовал на специальном расширенном совещании партийного руководства на озере Сиху (Западное озеро) в городе Ханчжоу (провинция Чжэцзян), обсудившем вопрос об организационных формах единого фронта с Гоминьданом. Это совещание «было даже более важным, чем [II] съезд»⁷⁶. Чжан был единственным, кто с самого начала поддерживал вступление коммунистов в партию Сунь Ятсена⁷⁷, но он не являлся членом Центрального исполкома КПК. Стремясь добиться перелома в дискуссии, Маринг в итоге пригрозил отлучением диссидентов от Коммунистического интернационала⁷⁸. Только это и возымело действие, и вожди партии в конце концов единогласно проголосовали за вступление в Гоминьдан. Сунь Ятсен, узнав об этом, выразил удовлетворение⁷⁹.

4 сентября 1922 г. по рекомендации Чжан Цзи Сунь принял Чжана вместе с Чэнь Дусю, Ли Дачжао и еще одним видным коммунистом Цай Хэсэнем в члены Гоминьдана, тем самым положив начало формированию единого фронта между Гоминьданом и КПК⁸⁰.

А в декабре 1922 г., как уже говорилось, Чжан на III конгрессе КИМ был заочно избран членом Исполкома этой международной организации молодежи с решающим голосом. Он был первым китайцем, удостоившимся такой чести⁸¹.

12–20 июня 1923 г. Чжан принял участие в III съезде КПК в Гуанчжоу. И вновь полностью поддержал Маринга, считавшего, что надо «критиковать Гоминьдан за его феодальную тактику», но при этом следует «толкнуть и направить эту партию на путь революционной пропаганды, образовать в ней левое крыло из рабочих и крестьян». Маринг также полагал необходимым «развивать Гоминьдан по всей стране»⁸². Маринг и Чэнь Дусю выдвинули лозунг «Все на работу в Гоминьдан»⁸³. Вместе с Цюй Цюбо Чжан «то и дело беседовал с делегатами, внушая им мысль о том, что толкование Марингом директивы Коминтерна — единственно верное и что III съезд КПК не должен выступать против этой директивы»⁸⁴.

В период работы III съезда Чжан вместе с Ли Дачжао и Мао Цзэдуном в свободное от заседаний время вел также переговоры о возможном союзе с бывшим губернатором Хунани Тань Янькаем. Тань жил в двух минутах ходьбы от места проведения съезда. Он был членом Гоминьдана и пользовался расположением Сунь Ятсена. Поэтому союз с ним для китайских коммунистов был очень выгоден⁸⁵.

А через два месяца, 16 августа, по решению Сунь Ятсена Чжан присоединился к делегации Гоминьдана, отправившейся в Москву на переговоры с вождями большевиков о предоставлении Суню советской военной помощи. Возглавлял делегацию генерал Чан Кайши. Делегация через Маньчжурию и Сибирь прибыла в Москву на Ярославский вокзал 2 сентября. Чана, Чжана и других ее членов торжественно встречали представители Народного комиссариата иностранных дел, а на улицах Москвы — толпы москвичей. А потом последовали встречи с наркомом иностранных дел РСФСР Георгием Васильевичем Чичериним, секретарем ЦК российской компартии Яном Эрнестовичем Рудзутаком, председателем Реввоенсовета Троцким и его заместителем Эфраимом Марковичем Склянским, главкомом Сергеем Сергеевичем Каменевым, председателем Всесоюзного Центрального исполкома Михаилом Ивановичем Калининим, наркомом просвещения Анатолием Васильевичем Луначарским, председателем Исполкома Коминтерна Григорием Евсеевичем Зиновьевым, а также с Войтинским и Марингом, вернувшимся к тому времени из Китая в Москву. Вместе с другими Чжан посетил 144-й пехотный полк Красной армии, дислоцированный в Москве, различные военные учебные заведения и аэродром, Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), открытый большевиками в апреле 1921 г. для членов КПК и китайского комсомола, и даже съездил с ознакомительной экскурсией в Петроград и Кронштадт⁸⁶.

После того, как делегация, завершив переговоры, 29 ноября 1923 г. выехала из Москвы, Чжан остался, чтобы работать в исполкомах Коминтерна и КИМ как представитель Социалистического союза молодежи Китая. Находясь в Москве, в мае 1924 г. Чжан опубликовал важную статью по крестьянскому вопросу в Китае — вопросу, который до того не привлекал внимания КПК. Правда, III съезд партии в июне 1923 г. принял резолюцию о крестьянстве, но она была очень расплывчатой, поскольку вожди КПК по-прежнему уделяли главное внимание рабочему движению. В то время только отдельные коммунисты, в том числе Мао Цзэдун, а также сочувствовавший коммунистам Пэн Бай, считали, что «в любой революции крестьянский вопрос — самый важный»⁸⁷.

Во время съезда Чжан Тайлэй не участвовал в обсуждении крестьянской тематики, но он совершенно точно стал пересматривать свое отношение к этой проблеме, когда руководители КПК получили директиву ИККИ от 18 июля 1923 г., в которой говорилось: «[Ц]ентральным вопросом всей политики является именно *крестьянский вопрос*»⁸⁸. Эта директива была послана в адрес III съезда еще 24 мая, но пришла в Шанхай с опозданием. Формулировка эта принадлежала Николаю Ивановичу Бухарину, кандидату в члены Политбюро ЦК РКП (б), одному из авторитетнейших большевиков, принимавших активное участие в работе Коминтерна.

Не вызывает сомнений, что именно пребывание Чжана в Москве в конце 1923 — начале 1924 г. и его тесное общение с Бухариным и другими вождями Коминтерна способствовали тому, что он в конце концов пришел к следующему выводу: «[К]итайское крестьянство в скором времени делается важным фактором в общекитайском революционном движении, если революционная партия Китая примет соответствующие шаги в смысле организации и руководства крестьянством... Революционной партии Китая предстоит ответственная задача — вовлечь китайское крестьянство в русло революционного движения. Без крестьянства, составляющего огромное большинство китайского населения и являющегося экономическим базисом страны, успех революции немислим»⁸⁹.

Как резко отличается это заявление от более раннего тезиса Чжана, сделанного в июне 1921 г. в докладе на III конгрессе Коминтерна: «Крестьянство [в Китае]... лишено классового самосознания. Его подчиненность и покорность прямо-таки удивительны»⁹⁰.

С 17 июня по 8 июля 1924 г. Чжан присутствовал на V конгрессе Коминтерна в качестве секретаря и переводчика китайской делегации, которую возглавлял Ли Дачжао, а 15–25 июля участвовал в IV конгрессе Коммунистического интернационала молодежи, на котором принял активное участие в дискуссии по докладу ИККИМ⁹¹. Однако, по неизвестным причинам, не был переизбран членом исполкома этой организации.

После конгресса, в августе 1924 г. по просьбе Чэнь Дусю⁹² он вернулся в Китай и с осени 1924 по весну 1925 г. преподавал английский язык в Шанхайском университете, открытом в конце 1923 г. и находившемся почти под полным контролем коммунистов. Он также редактировал гоминьдановскую газету «Гоминь жибао» («Нация»). Он жил тогда в здании Центрального исполкома КПК с женой Лу Цзинхуа, на которой женился в 1918 г., и тремя детьми, с которыми наконец смог воссоединиться после долгих странствий⁹³. 11–22 января 1925 г. в Шанхае он принял участие в IV съезде компартии, на котором был избран кандидатом в члены ЦИК. Сразу после этого, 26–30 января, также в Шанхае участвовал в III съезде китайского комсомола (КСМК)⁹⁴, где выступил с политическим докладом и был избран генеральным секретарем ЦИК этой организации и заведующим женским отделом Центрального исполкома. В то время КСМК насчитывал уже около девяти тысяч членов — в девять раз больше, чем в КПК⁹⁵.

Весной 1925 г., когда его мать серьезно заболела, он отправил свою семью обратно в Чанчжоу, чтобы его жена Лу Цзинхуа ухаживала за ней. Но оставшись один в Шанхае, вскоре закрутил роман с красавицей Ван Ичжи, женой Ши Цуньтуна, того самого товарища, с которым познакомился в Японии. Ши тоже был крупным деятелем партии и комсомола и в 1922–1923 гг. являлся генеральным секретарем ЦИК ССМК, а в 1925 г.

работал заведующим кафедрой социологии Шанхайского университета. Роман Чжана и Ван быстро стал достоянием общественности, и многие студенты университета и члены КСМК заняли сторону Ши Цуньтуна, потребовав от вождей партии наказать Чжана. Чтобы урегулировать ситуацию, Чэнь Дусю и другие члены ЦИК КПК сначала хотели «сослать» Чжана представителем КПК в Монгольскую Народную Республику, но благодаря заступничеству Цюй Цюбо в конце концов решили отправить его вместе с Ван Ичжи в Гуанчжоу — секретарем и переводчиком Михаила Марковича Бородина, главного политического советника ЦИК Гоминьдана и представителя Коминтерна в Китае⁹⁶. 6 мая 1925 г. на совместном заседании Центральных исполкомов КПК и КСМК Чжан был снят с поста генерального секретаря ЦИК китайского комсомола⁹⁷.

В Гуанчжоу, куда Чжан и Ван прибыли в первой декаде мая 1925 г.⁹⁸, Чжан взял на себя, помимо прочего, также обязанности технического секретаря Политического совета ЦИК Гоминьдана. Вместе с Ван Ичжи он поселился в доме Бородина на первом этаже. Ему удалось установить теплые дружеские отношения с этим посланцем Коминтерна, который стал относиться к нему как «к близкому, родному человеку». Очевидец вспоминает: «Только ему доверял Бородин перевод своих выступлений... Они очень любили друг друга, несмотря на разницу в возрасте» (Бородин был старше Чжана на четырнадцать лет). Будучи помощником Бородина, Чжан был все время занят: «Когда ни зайди, он всегда погружен в работу»⁹⁹.

В сентябре 1925 г., оставаясь секретарем Бородина, Чжан Тайлэй получил новое назначение — заведующего отделом пропаганды Гуандунского провинциального комитета КПК, а в феврале 1926 г. возглавил редакцию коммунистического еженедельника «Жэньминь чжоубао» («Народ»). После переворота Чан Кайши 20 марта 1926 г. Чжан вошел в специальную комиссию ЦИК КПК из восьми человек, которая обсуждала с Бородиным и другими представителями Коминтерна политику в отношении Чана¹⁰⁰.

В ноябре–декабре 1926 г. он сопровождал Бородина и других советских советников, а также вождей левого Гоминьдана в их переезде из Гуанчжоу в Ухань и в начале декабря присутствовал на встрече Бородина с Чан Кайши в Лушани (провинция Цзянси)¹⁰¹.

В апреле–мае 1927 г. принял участие в V съезде КПК в Ухани, на котором был избран членом ЦК КПК и кандидатом в члены Политбюро. А после съезда по рекомендации Цюй Цюбо занял пост секретаря Хубэйского провинциального комитета компартии. Этот комитет возглавлял коммунистическую работу во всех районах Хубэя, за исключением города Ухани.¹⁰²

В апреле–июле 1927 г. Чжан поддержал Бородина в его конфликте с ультралевым новым представителем Коминтерна в Китае М.Н. Роем, старым оппонентом Чжана по ИККИ. Прибыв в Ухань в начале апреля, Рой тут же выдвинул серию идей, направленных на радикализацию революции путем активизации рабочего и крестьянского движения. Бородин и вожди КПК пришли в ужас, понимая, что любые экстремистские действия со стороны компартии могли подтолкнуть даже левых гоминьдановских генералов к антикоммунистическому выступлению. «[К]огда мы спрашивали, что он [Рой] хочет предложить, то он хотел в воскресенье демонстрацию, а в среду забастовку. Мы этого проводить не можем. Это — невыполнимые предложения», — вспоминал Чжан¹⁰³.

12 июля 1927 г., в критический для революции 1925–1927 гг. момент, когда Чэнь Дусю ушел в отставку с поста генерального секретаря ЦК КПК, Чжан Тайлэй вместе с Чжан Готоа, Ли Вэйханем, Ли Лисанем и Чжоу Эньлаем образовал Временный постоянный комитет Политбюро. В то же время он вошел в состав Политбюро на правах его полного члена. После же разрыва единого фронта, на Чрезвычайном совещании ЦК КПК 7 августа 1927 г., Чжан был избран кандидатом в члены Временного политбюро и секретарем Гуандунского провинциального комитета КПК.

После совещания по просьбе Чжоу Эньлая он через Гонконг отправился в район городов Шанью и Чаочжоу (Восточный Гуандун), где встретился с Чжоу и другими

коммунистами — организаторами антигоминьдановского Наньчанского восстания, которое произошло 1–3 августа 1927 г. Организаторы восстания, потерпев поражение, вывели свои войска в этот район. Чжан сообщил им о решениях совещания 7 августа, и восставшие единодушно попросили его стать их вождем, поскольку Чжоу Эньлай накануне заболел малярией. Однако Чжан отклонил их предложение, так как должен был ехать в Гуанчжоу, столицу провинции Гуандун, для того чтобы вступить в должность секретаря провинциального комитета КПК¹⁰⁴.

В конце октября 1927 г. он вновь был в Шанхае и в начале ноября принял участие в расширенном пленуме Временного политбюро ЦК КПК. После пленума вместе с другими членами руководства — Чжоу Эньлаем, Су Чжаочжэном и Ло Инуном, а также новым представителем Коминтерна Виссарионом Виссарионовичем Ломинадзе (он же Николай и Вернер) Чжан подготовил «Резолюцию о плане работы в Гуандуне», которая призывала рабочих, солдат и крестьян этой провинции подняться на вооруженное восстание в Гуанчжоу и других местах под лозунгом Советов. Резолюция была принята Постоянным комитетом Временного политбюро под руководством Цюй Цюбо 17 ноября 1927 г., и в тот же день на ее основе ЦК направил соответствующую директиву в Гуандунский провинциальный комитет. Таким образом было принято историческое решение о Гуанчжоуском восстании¹⁰⁵.

Чжан выехал из Шанхая 20 ноября, оставив Ван Ичжи и их сына, которому исполнился всего один месяц. Он вернулся в Гуанчжоу через Гонконг через шесть дней. За день до его приезда Гуандунский провинциальный комитет издал циркуляр № 25, призвав народные массы Гуандуна и Гуанси к восстанию¹⁰⁶. Сразу после возвращения, вечером 26 ноября, Чжан созвал заседание Постоянного комитета Гуандунского провкома, который «разрешил вопрос о взятии власти в Гуанчжоу. Это заседание... приняло решение начать восстание немедленно». Присутствовало семь человек, включая представителя Коминтерна Гейнца Неймана (он же Мориц, Грубер и Маоцзы [Волсатик])¹⁰⁷.

По некоторым источникам, Чжан, однако, вскоре начал выражать сомнения в успехе восстания, но Цюй Цюбо настоял на выступлении¹⁰⁸. 28 ноября Гуандунский провком опубликовал обращение к рабочим, крестьянам и солдатам, вновь призвав их к восстанию¹⁰⁹. На следующий же день Нейман проинформировал об этом Политбюро большевистской партии, заявив, что «[м]ы решили взять в Кантоне [Гуанчжоу] твердый курс на подготовку восстания и создания советов». Против выступил советский генконсул в Гуанчжоу Борис Александрович Похвалинский (он же Веселов), считавший, что «[п]опытка... восстания может привести, кроме бесцельной резни, только [к] ликвидации теперешних переворотчиков», так как «на захват и организацию власти в Кантоне сил у партии нет»¹¹⁰. Но к его словам никто, в том числе и Чжан, не прислушались. 5 декабря 1927 г. Центральный комитет КПК дал окончательное добро на восстание в Гуанчжоу¹¹¹.

7 декабря 1927 г. Чжан, «крайне утомленный за последнюю неделю тяжелой работой»¹¹², выступил перед дислоцированным в Гуанчжоу учебным полком 4-го корпуса Национально-революционной армии Гоминьдана, в котором многие офицеры и солдаты сочувствовали компартии. Он призвал их восстать, заявив, что Гуанчжоуский милитарист Чжан Факуй собрался расформировать этот полк. В 3 часа 30 минут утра 11 декабря восстание началось, и через два с половиной часа Чжан провозгласил образование Гуанчжоуского советского правительства¹¹³. Сам он занял пост исполняющего обязанности председателя правительства и комиссара по военным и морским делам¹¹⁴.

Это был героический, но безнадежный поступок: несколько тысяч восставших не имели никаких шансов победить вражеские войска, значительно превосходившие их по численности и вооружению. Чжан изо всех сил пытался организовать оборону, но через полтора дня после начала восстания, 12 декабря, в два часа пополудни пал, сраженный тремя вражескими пулями недалеко от своей штаб-квартиры. Он возвращался в штаб после массового митинга, не зная, что тот уже занят врагом¹¹⁵. Только по счастли-

вой случайности Нейман, находившийся с Чжаном в одной машине, не пострадал. На следующий день, 13 декабря, восстание было полностью подавлено. Свыше пяти тысяч семисот человек погибли. Среди них — не только восставшие, но и мирные жители¹¹⁶.

* * *

Жизнь Чжан Тайлэя была короткой (он прожил всего 29 с половиной лет), но крайне насыщенной, а его вклад в развитие китайского коммунизма трудно переоценить. Он являлся не только одним из руководящих деятелей Коминтерна, КИМ, компартии и комсомола Китая, но и вдумчивым большевистским теоретиком молодого китайского коммунистического движения. Наряду с Цюй Цюбо он пользовался наибольшим доверием Коминтерна.

Не случайно VI конгресс Коммунистического интернационала, проходивший в июле–сентябре 1928 г. в Москве, почтил его память вставанием¹¹⁷. Не удивительно и то, что в 2009 г. имя Чжан Тайлэя было отобрано в результате общенародного голосования в КНР в два почетных списка — ста «образцовых героев, внесших выдающийся вклад в образование нового Китая» и ста китайцев, «служащих примером для граждан нового Китая». Около ста миллионов жителей Китайской Народной Республики приняли участие в голосовании, организованном Центральным комитетом КПК и проходившем в течение двадцати дней¹¹⁸.

1. Вишнякова-Акимова В. В. Два года в восставшем Китае, 1925–1927. Воспоминания. М., 1965. С. 255. Фотографию Чжан Тайлэя, сделанную во время III конгресса Коминтерна см. в фотоальбоме: Чжан Тайлэй. Пекин, 1994. Фото 28.
2. Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. Петроград, 1922. С. 472–473.
3. См.: Чжан Тайлэй. Доклад делегата Китайской Коммунистической Партии тов. Чжана-Тай-Лэй [III конгрессу Коминтерна] // Российский государственный архив социально-политической истории (здесь и далее — РГАСПИ), 532/4/232/1–12 об.; Чжан Тайлэй *вэньцзи* (Собрание сочинений Чжан Тайлэя). Пекин, 2013. С. 6–31.
4. О Дальневосточном секретариате см.: Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна: 1919–1943. М., 1997. С. 27.
5. См.: Шумяцкий Б. Из истории комсомола и компартии Китая (Памяти одного из организаторов Комсомола и Компартии Китая тов. Чжан-Та-Лая) // Революционный Восток. 1928. № 4–5. С. 213–215.
6. Там же. С. 216. См. также: Там же. С. 217–218; РГАСПИ. 490/1/208/92; Дин Яньмо, Хуан Миньян, Чжан Хаодянь. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь: [Новая хронологическая биография Чжан Тайлэя]. Шанхай, 2011. С. 72, 80–88; ВКП(б), Коминтерн и Корея. М., 2007. С. 119–126.
7. Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна: 1919–1943. С. 38–39. В документах Коминтерна в то время он значился Чжан Кай.
8. См.: Народы Дальнего Востока. 1921. № 3 (август). С. 321–326.
9. См.: *Mulready-Stone Kristin. Mobilizing Shanghai Youth: CCP Internationalism, GMD Nationalism and Japanese Collaboration.* New York, 2015, 38–39.
10. Речь идет о Дин Цзэцине, Чжан Мэйи, Лю Чжигане, Ли Гуаньхуне, Ли Юйшане, Ли Цзюне и Ли Цифэне. См., например, их статьи, опубликованные в кн.: Юнхэн дэ цзинянь — Тяньцзинь да-сюэ Чжан Тайлэй сюаньчуань хэ яньцзю саньши нянь: [Вечная память — Тридцать лет пропаганды и изучения Чжан Тайлэя в Тяньцзиньском университете]. Тяньцзинь, 2014. С. 241–253; Хунци (Красное знамя). 1987. № 24; Чанчжоу цзяюэй сюэюань сюэбао: [Вестник педагогического института Чанчжоу]. 1997. № 1. Тайань шичжоуань сюэбао: [Вестник Тайаньского педагогического специального института]. 2002. № 5; а также доклады некоторых из них, представленные на научной конференции «Чжан Тайлэй и китайская революция» (Нанкин, 4 июня 2017 г.).

11. В традиционном Китае сутки делились на двенадцать двухчасовых периодов, которые, как и годы в двенадцатилетнем цикле, именовались по названиям животных. Отрезок времени с 17 часов дня до 19 часов вечера назывался часом Петуха.
12. См.: *Ван Ичжи*. Хуэйи Тайлэй: [Воспоминания о Тайлэе] // Хуэйи Чжан Тайлэй: [Воспоминания о Чжан Тайлэе]. Пекин, 1984. С. 66.
13. Чжоу И. [Сун] Чжу Си чжу ([Книга] перемен эпохи Чжоу. С комментариями [сунского] Чжу Си). Шанхай, 1995. С. 57; *I Ching: Book of Changes*. Trans. J. Legge. Secaucus, NJ, 1964. P. 91. См. также: Ицзин: Книга перемен. Санкт-Петербург, 2014. С. 228–229.
14. Интересно, что имя Тайлэй на чанчжоуской диалекте китайского языка звучит так же, как и величальное имя Чжана — Тайлай. Возможно, это также повлияло на выбор Чжаном своего революционного имени.
15. В старом Китае без получения ученых степеней нельзя было и мечтать занять чиновную должность. Для получения первой степени (*сюцай*, «расцветший талант»), требовалось сдать экзамен на уездном уровне, для получения второй (*цзюйжэнь*, «выдвигенец») — на провинциальном и для получения третьей, высшей, степени (*цзиньши*, «продвинутый ученый») — при дворах императоров.
16. См.: *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 6, 7; *Лу Цзинхуа*. Хуэйи Чжан Тайлэй тунчжи: [Воспоминания о тов. Чжан Тайлэе] // Хуэйи Чжан Тайлэй. С. 99.
17. См.: *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 15.
18. См.: *Ван Ичжи*. Хуэйи Тайлэй. С. 5.
19. См.: Чжан Тайлэй. Фотография 4.
20. См.: Чанчжоу. Пекин, 2011. С. 49.
21. *Цюй Цюбо*. Очерки и статьи. М., 1959. С. 37.
22. См.: Записи автора во время посещения музея средней школы высшей ступени города Чанчжоу провинции Цзянсу. 29 мая 2017 г.
23. См.: *У Чжизуан, Чу Пэйчэн*. Чжан Тайлэй цзяши као: [Исследование поколений семьи Чжан Тайлэя] // Чжан Тайлэй яньцзю вэньцзи: [Исследовательские статьи о Чжан Тайлэе]. Чанчжоу, 1998. С. 268–269; *Цянь Тантао*. Чжан Тайлэй цзи ши синьтань: [Новые исследования о семье Чжан Тайлэя]. Б.м., 2013. С. 11; *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 1–37; *Ли Цзыкуань*. Чжуйи сюэшэн шици дэ Чжан Тайлэй: [Воспоминания о Чжан Тайлэе во время его учебы] // Хуэйи Чжан Тайлэй. С. 53.
24. См.: *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. Изд. 2-е, исправ. и доп. М., 1985. С. 107–120; *Чан Кайши*. Жици: [Дневник]. Записи 1917 г.; *Hsieh Shou-kang*. President Chiang Kai-shek: His Childhood and Youth. Taipei, [1954]. P. 58–63; Сунь Чжуншань няньпу чанбянь: [Большой сборник материалов к хронологической биографии Сунь Ятсена]. В 2 т. Пекин, 1991; Сунь Чжуншань цыдянь: [Словарь Сунь Ятсена]. Гуанчжоу, 1994.
25. См.: Байнянь Чжанчжоу: 1900–2008: [Чанчжоу за сто лет: (1900–2008)]. Нанкин, 2009. С. 33.
26. См.: Там же. С. 41.
27. См.: *Чжоу Юнсян*. Цюй Цюбо няньпу: [Хронологическая биография Цюй Цюбо]. Гуанчжоу, 1983. С. 6.
28. Цит. по: *Spence Jonathan D*. The Search for Modern China. 3rd ed. New York, 2013. P. 254. См. также: Новая история Китая. М., 1972. С. 502; Сунь Чжуншань няньпу чанбянь. Т. 1. С. 654–661.
29. Китайский язык беден фонетически, и разные по смыслу слова, записывающиеся разными иероглифами, могут звучать одинаково.
30. Цюй был по натуре поэтом, а потому и выбрал себе такое красивое имя. Ведь слова «погожий» и «мороз» имеют отношение к осени. См.: *Ли Цзыкуань*. Чжуйи сюэшэн шици чжи Цюй Цюйбай, Чжан Тайлэй лэши: [Воспоминания о павших героях Цюй Цюбо и Чжан Тайлэе во время их учебы] // Шанхай вэньши цзыляо цуньгао хуэйбянь: Чжэнчжи цюньши: [Сборник документов и рукописей по истории Шанхая: Политика и военное дело]. Т. 1. Шанхай, 2001. С. 508; *Чжан Цюши*. Цэми даньянь чжун дэ Цюй Цюбо: [Цюй Цюбо в рассекреченных архивах]. Пекин, 2011. С. 3.
31. См.: *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 15, 22.
32. *Цюй Цюбо*. Очерки и статьи. С. 36.
33. Так в Китае сокращенно называют Пекинский университет — от слов Бэйцзин (Пекин, северная столица) и *дасюэ* — университет.

34. См.: *Чэнь Сяоцэн*. Чжан Тайлэй юй Тяньцзинь ди и гэ туань сяоцзу: [Чжан Тайлэй и первый кружок союза (молодежи)] // Хуэйи Чжан Тайлэй. С. 56–57.
35. О Полевых см.: URL: https://www.ancestry.com/1940-census/usa/Massachusetts/Vera-Polevoy_39q5zj.
36. См. *Trotzky L.* The Bolsheviks and World Peace. New York., 1918.
37. См.: *Ли Цзыкуань*. Чжуйи сюэшэн шици дэ Чжан Тайлэй. С. 54; Юнхэ дэ цзинянь. С. 122.
38. Цит. по: *Ли Цзыкуань*. Чжуйи сюэшэн шици чжи Цюй Цюбай, Чжан Тайлэй лешу. С. 514.
39. См.: *Шумяцкий Б. З.* Из истории комсомола и компартии Китая. С. 195.
40. *Дин Яньмо*. Чжан Тайлэй чжуань: [Биография Чжан Тайлэя]. Шанхай, 2011. С. 43–47.
41. *Цюй Цюбо*. Очерки и статьи. С. 39–40.
42. См.: *Мюллер А. А.* В пламени революции (1917–1920 гг.): Воспоминания командира интернационального отряда Красной гвардии. Иркутск, 1957. С. 143–144; *Колмыков Ю. П.* Жизнь, отданная революции (70 лет со дня рождения Наума Григорьевича Бутмана) // Календарь знаменательных и памятных дат на 1970 год (по Иркутской области), Иркутск, 1969. С. 143–45.
43. *Мюллер А. А.* В пламени революции... С. 143.
44. См.: *Ли Дачжао*. Избранные произведения. М., 1989. С. 144–161.
45. См.: *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 59.
46. Мацзын — азартная игра в кости.
47. *Цюй Цюбо*. Публицистика разных лет. М., 1979. С. 38. «Страной свободы» Чжан и его товарищи называли большевистскую Россию. (Там же. С. 39.)
48. См.: *Чэнь Сяоцэн*. Чжан Тайлэй юй Тяньцзинь ди и гэ туань сяоцзу. С. 57–61; *Шевелев К. В.* Из истории образования Коммунистической партии Китая. М., 1976. С. 110.
49. См.: *Ван Ичжи*. Хуэйи Тайлэй. С. 6; *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 66–78.
50. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. М., 1994. С. 48. В документе, опубликованном в этом сборнике и датированном 21 декабря 1920 г., говорится, что Полевой был профессором Тяньцзиньского университета, но такового в то время не существовало. Скорее всего речь идет о Тяньцзиньском педагогическом университете (Тяньцзинь шифань сюэтан), основанном в 1905 г.
51. См.: *Коровяковский П. П., Русанов Н. П.* Чжан Тайлэй: Из когорты первых (К 90-летию со дня рождения) // Проблемы Дальнего Востока. 1988, № 4. С. 129.
52. См.: *Чэнь Сяоцэн*. Чжан Тайлэй юй Тяньцзинь ди и гэ туань сяоцзу. С. 63.
53. См.: Harvard: America's Great University Now Leads World // Life. May 5, 1941. P. 96; URL: <http://www.legacy.com/obituaries/deseretnews/obituary.aspx?n=leonid-sergei-polevoy&pid=188757903>; URL: <https://www.locatefamily.com/P/POL/POLEVOY-D-1.html>.
54. См.: РГАСПИ. 490/1/208/92. О Минском см.: *Лурье В. М. Кочик В. Я.* ГРУ: Дела и люди. СПб, 2002. С. 436.
55. См.: *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 87.
56. См.: Чжан Тайлэй вэньци сюй: [Дополнение к Собранию сочинений Чжан Тайлэя]. Нанкин, 1992. С. 5.
57. См.: *Шумяцкий Б.* Из истории комсомола и компартии Китая. С. 218; *Ishikawa Yoshihiro.* The Formation of the Chinese Communist Party. New York, 2013. P. 219–220.
58. *Чжан Тайлэй*. Доклад делегата Китайской Коммунистической Партии тов. Чжана-Тай-Лэй [III конгрессу Коминтерна]. Л. 2–2 об. См. также: Там же. Л. 12. (Выделено мной. — А.П.)
59. Чжан имеет в виду «Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам», с которым Ленин выступил на II конгрессе Коминтерна 26 июля 1920 г. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1963. С. 244–245.
60. Цит. по: *Шумяцкий Б.* Из истории комсомола и компартии Китая. С. 220–222.
61. *Чжан Тайлэй*. Доклад делегата Китайской Коммунистической Партии тов. Чжана-Тай-Лэй [III конгрессу Коминтерна]. Л. 12–12об. (Выделено мной. — А.П.). См. также: *Персиц М. А.* Из истории становления Коммунистической партии Китая (Доклад, подготовленный Чжан Тайлэем для III Конгресса Коминтерна, как исторический источник) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 56.
62. См.: Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. С. 473.
63. См.: *Zhang Tailai, [Yu] Xiusong, Chen Weiren.* Report of the Chinese Delegations at the Second Congress of the Young Communists' International: July 22, 1921 // РГАСПИ. 533/1/39/114–130.

- На важную роль хунхузов в китайской революции также обращал внимание за год до Чжан Тайлэя на II конгрессе Коминтерна (июль-август 1920 г.) председатель Центрального организационного бюро китайских коммунистов при ЦК РКП(б) Ань Лунхэ, но он не был активным деятелем коммунистического движения в Китае. См.: *Персиц М. А.* Из истории становления Коммунистической партии Китая. С. 56.
64. См.: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China: The Role of Sneevliet (Alias Maring). Vol. 1. Leiden, 1991. P. 311, 315; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party: Volumes One of Autobiography of Chang Kuo-t'ao. Lawrence, KS, 1972. P. 159–163; *Yeh Wen-Hsin,* Provincial Passages: Culture, Space, and the Origins of Chinese Communism. Berkeley, CA, 1996. P. 223–24. Е ошибочно считает, что Чжан ездил в Токио для того, чтобы «обеспечить участие японцев в предстоявшем конгрессе Дальневосточного бюро Коминтерна в Шанхае» (там же. С. 224).
65. Юй Сюсун Вэньцзи. С. 126.
66. См.: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. P. 310; *Mulready-Stone Kristin.* Mobilizing Shanghai Youth. P. 28–29.
67. См.: *Wilbur Martin and How Julie Lien-ying.* Missionaries of Revolution: Soviet Advisers and Nationalist China 1920–1927. Cambridge, MA, 1989. P. 34; Отчет тов. Г. Маринга Коминтерну. Июль 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 20. Л. 85–91; *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. P. 317–323; *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и китайская революция: 1919–1927. М., 2001. С. 76–77, 318.
68. *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 138.
69. См.: *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. С. 77, 313.
70. См.: РГАСПИ. 495/159/74/5, 7–8.
71. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 1. С. 76.
72. Там же. С. 89–90.
73. См.: *Pringsheim Klaus H.* The Functions of the Chinese Communist Youth League (1920–1949) // The China Quarterly. 1962. No. 12. P. 76.
74. См.: *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. С. 88.
75. *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 251.
76. Ibid. P. 253.
77. См.: *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. 2-е изд., исправ. М., 2012. С. 169.
78. См.: *Ван Цзяньминь.* Чжунго гунчаньдан шигао (Очерки по истории КПК). Т. 1. Тайбэй, 1965. С. 94.
79. См.: *Калачев С. (Наумов С. Н.).* Краткий очерк истории Китайской коммунистической партии // Кантон. 1927. № 1 (10) С. 51.
80. См.: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. P. 580.
81. См.: РГАСПИ. 495/65-а/9141/1.
82. Цит. по: Новейшая история Китая. 1917–1927. М., 1983. С. 140.
83. См.: *Цай Хэ-сэнь.* История оппортунизма в Коммунистической партии Китая // Проблемы Китая. 1929. № 1. С. 4.
84. *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 306.
85. *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 179.
86. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 1. С. 255–314.
87. Цит. по: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 309.
88. Коммунистический Интернационал и китайская революция: Документы и материалы. М., 1986. С. 39.
89. *Чжан Тайлэй.* Крестьянство и революционное движение в Китае // Крестьянский Интернационал. 1924. № 2. С. 73–74.
90. *Чжан Тайлэй.* Доклад делегата Китайской Коммунистической Партии тов. Чжана-Тай-Лэй [III конгрессу Коминтерна]. Л. 8.
91. См.: РГАСПИ. 533/1/81/1, 39–42; 533/1/87/1, 3–6.
92. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 1. С. 358.
93. См.: Чжан Тайлэй няньпу: [Хронологическая биография Чжан Тайлэя]. Тяньцзинь, 1992. С. 101–102; *Чжан Силэй, Юй Пин.* Чжугуан цзай цянь: Чжан Силэй цзышу: [Свет свечи впереди: Автобиография Чжан Силэй]. Пекин, 2000. С. 13–14; *Ян Луньшэн.* И во лянши иху Чжан Тайлэй тунчжи: [Вспоминая моего хорошего учителя, друга и ментора, тов. Чжан Тайлэя] //

- Хуэйи Чжан Тайлэй. С. 45; Чжэн Чаолинь хуэйилу: [Воспоминания Чжэн Чаолиня]. [Сянган, б.г.]. С. 82, 88–89.
94. В то время Социалистический союз молодежи Китая был переименован в Коммунистический.
95. См.: *Pringsheim Klaus H. The Functions of the Chinese Communist Youth League (1920–1949)*. P. 78.
96. См.: *Zheng Chaolin. An Oppositionist for Life: Memoirs of the Chinese Revolutionary Zheng Chaolin*. Ed. and trans. Gregor Benton. Atlantic Highlands, NJ, 1997. P. 140.
97. См.: Жэнь Биши няньпу. 1904–1950: [Хронологическая биография Жэнь Биши. 1904–1950]. Пекин, 2004. С. 24.
98. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 1. С. 557. *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 169.
99. *Вишнякова-Акимова В. В.* Два года в восставшем Китае, 1925–1927. С. 255–256.
100. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 2. С. 340–349/
101. См.: *Чан Кайши*. Дневник. Запись 7 декабря 1926 г.; *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*. Vol. 1. P. 557–8; ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 2. М., 1996. С. 920; *Благодатов А. В.* Записки о китайской революции 1925–1927 гг. М., 1970. С. 156.
102. См.: Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 142.
103. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 2. С. 815.
104. См.: *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party: Volumes Two of Autobiography of Chang Kuo-t'ao*. Lawrence, 1972. P. 28–31; *Chan Lau Kit-ching. From Nothing to Nothing: The Chinese Communist Movement and Hong Kong, 1921–1936*. New York, 1999. P. 83.
105. См.: *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. 266; Документы по истории Коммунистической партии Китая 1920–1949 гг. (В четырех томах). Т. I. М., 1981. С. 121–123; *Hsiao Iso-liang. Chinese Communism in 1927: City vs Countryside*. Hong Kong, 1970. P. 135–6; *Chan Lau Kit-ching. From Nothing to Nothing*. P. 88.
106. См.: Гуандун дан, туань яньцзю шиляо (1927–1934): [Исторические материалы для изучения партии и комсомола Гуандуна (1927–1934)], Гуанчжоу, 1986. С. 58.
107. Чжан Тайлэй вэньцзи. С. 521.
108. См.: *Хуан Пин*. Ванши хуэйи: [Воспоминания о прошлом]. Пекин, 1981. С. 47–48; *Qu Qiubai. Superfluous Words*. Trans. and commentary Jamie Greenbaum. Canberra, 2005. P. 35. Хуан Пин допускает хронологические ошибки. См.: *Modern China*. 1997. Vol. 23. No. 4. P. 379.
109. См.: Гуандун дан, туань яньцзю шиляо (1927–1934). С. 63–69.
110. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 3. М., 1999. С. 165.
111. См.: Чжунгун чжунъян вэньцзянь сюаньцзи: [Избранные документы ЦК КПК]. Т. 3. Пекин, 1989. С. 541–544.
112. *Chan Lau Kit-ching. From Nothing to Nothing*. P. 91.
113. См.: Чжан Тайлэй вэньцзи. С. 523–526.
114. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 2. С. 188, 308–309, 314; *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 278; Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэньюань минлу: [Сборник материалов по истории развития организаций КПК — эволюция руководящих органов и их персональный состав]. Пекин, 1983. С. 84–86.
115. См.: *Цюй Цю-бо*. Памяти Чжан Тай-лэя // Кантонская коммуна (К сорокалетию восстания в Гуанчжоу). М., 1967. С. 132.
116. См.: *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 278–283; Гуанчжоу ци и яньцзю: [Изучение Гуанчжоуского восстания]. Гуанчжоу, 1987; *Thomas S. Bernard. "Proletarian Hegemony" in the Chinese Revolution and the Canton Commune of 1927*. Ann Arbor, MI, 1975. P. 9–74.
117. *Вишнякова-Акимова В. В.* Два года в восставшем Китае... С. 255.
118. См.: Жэньминь жибао: [Народная газета]. 11.09.2009.